

Басов С. А.

УПРАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫМ ДЕЛОМ: ОТ МОНОПОЛИИ НА ВЛАСТЬ — К РАЗДЕЛЕНИЮ ВЛАСТЕЙ

Автор исследует сложившиеся принципы управления библиотечным делом и предлагает свою, отличную от официальной, систему демократического управления, где ведущая роль отводится добровольным библиотечным объединениям, обществам и ассоциациям.

Журнал «Библиотекарь» опубликовал статью Е. А. Фенелона «Управление. Каким оно может быть»¹, которую с полным правом следует назвать программной, так как она отражает позицию разработчиков Концепции развития библиотечного дела в стране — ее официальную версию, реализуемую под эгидой Министерства культуры СССР.

Значение управленческих знаний в сфере библиотечного дела пока не осознано в полной мере. Отстает здесь не только наука (о чем свидетельствуют прежде всего вузовские учебники), но и практика: она не формирует социального заказа на управленческие знания и профессиональных управляющих. Даже в крупнейших библиотеках чаще всего мы, к сожалению, имеем не грамотных директоров-управленцев, а хозяйственников.

Звывает бесконечные нарекания ничтожная доля национального дохода, которую государство расходует на библиотечное дело. Но совсем не анализируется «механизм переработки» этой доли. Насколько эффективно он превращает народные рубли в библиотечные услуги? Какими пороками обладает система управления библиотечным делом на пятом году перестройки? Что, собственно, необходимо перестроить?

Работа Е. А. Фенелона дает определенную пищу для размышлений и некоторых выводов. Попытаемся разобраться в идеях, предлагаемых автором, но начать придется с анализа такого УПРАВЛЕНИЯ,

КАКИМ ОНО БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

Начнем с авторской точки отсчета: «Основными носителями прав на управление биб-

лиотеками являются граждане, трудящиеся, на средства которых, прямо или косвенно, создаются библиотеки» (с. 5).

Тривиальный и, казалось бы, верный тезис, о чем тут спорить? И все же попробуем. Внешняя демократичность этой посылки скрывает серьезный изъян: она приводит к отрицанию роли профессионального управления. В поле зрения автора не попало базисное понятие собственности, и акценты смешались.

Граждане, трудящиеся, на средства которых создаются библиотеки, являются, прежде всего, носителями права собственности на свое национальное достояние, т. е. библиотечные фонды. И этим достоянием необходимо грамотно распоряжаться: чтобы не сгорело, не пропало, дошло до каждого члена общества. Что для этого делает разумный хозяин? Вероятно, ищет грамотного профессионала, управляющего. В нашем случае — библиотечного работника, а не просто «гражданина с улицы».

Таким образом следует различать право на собственность и право распоряжаться ею в общественных интересах, т. е. право на управление, которое может эффективно осуществляться, естественно, только на профессиональной основе.

Так дело обстоит в теории, а на практике? Увы, сложившаяся система управления библиотечным делом в нашей стране не реализовала указанных прав. Произошло двойное отчуждение: библиотекаря от управления библиотекой и читателя — от книжных фондов.

В 1907 г. Н. А. Рубакин писал: «Библиотека, принадлежащая всему населению, разумееется, должна быть организована так, чтобы хозяином ее было действительно все население» [2]. После Октябрьской революции

¹ Ссылки на статью Е. А. Фенелона [1] даются в тексте.

партия и государство взяли руководство библиотечным делом в свои руки. Не стремясь сделать его достоянием населения, они подчинили библиотечную работу решению политических задач. Власть сама стала решать, какие библиотеки необходимы народу. Общество лишилось возможности через свои представительные органы (Советы всех уровней) формировать социальный заказ на библиотеку, отвечающую его многообразным потребностям. Публичные библиотеки превратились в массовые, национальные — в государственные и республиканские.

Сквозь призму сказанного можно оценить и новизну следующего тезиса статьи: «Население участвует в управлении библиотечным делом через Советы народных депутатов, их исполнительные органы, через советы трудовых коллективов предприятий и учреждений, а также через советы читателей при библиотеках» (с. 5). Все перечисленные элементы определяются Е. А. Фенелоновым как **общественно-государственная система управления**. Она выполняет свои функции «от имени народа, по его поручению и ему полностью подотчетна» (с. 5).

К сожалению, автор не проводит четкой границы между «общественными» и «государственными» элементами в общей системе управления. Из контекста следует, что принадлежность к «общественным» элементам определяется формулой «участия населения в управлении». Так ли это на самом деле?

Если население участвует в управлении через Советы народных депутатов, это означает, что избранный населением депутат становится субъектом представительной государственной власти. Его задача осуществлять законодательную власть, что не может быть отнесено к функциям общественного управления.

Другая предлагаемая форма организации населения в «общественность» — это создание комиссий из числа привлекаемых к работе совета специалистов и граждан. По мысли автора, с их участием готовятся законы, решения по библиотечному делу и т. п. Можно ли их считать органами общественного управления? В нашем традиционном понимании — безусловно. Это «общественность», не обладающая самостоятельным юридическим статусом, существует при органе государственной власти, ее мнение может учитываться, а может и игнорироваться. Это очень удобная общественность, с помощью которой аппарат легко может проводить необходимые ему решения со ссылкой на «общественную экспертизу».

Сложнее оценить место в системе управления такой организационной формы как Го-

сударственная межведомственная библиотечная комиссия (ГМБК). Кажется бы, это государственный орган. В соответствии с Положением о библиотечном деле (1984 г.) ее решения являются обязательными для министерств, государственных комитетов, ведомств и других организаций, имеющих в своем ведении библиотеки. А на практике? Министр культуры СССР не имеет реальной власти для того, чтобы «распорядиться» библиотеками других министерств и ведомств. Отраслевой статус Министерства культуры СССР не позволяет осуществлять межведомственные функции управления. Требуется выход на более высокий уровень управления — заместителя Председателя Совета Министров СССР, наделенного координационной властью.

ГМБК областного и районного уровня, находясь в подчинении зам. председателя исполкома, смогут осуществлять межведомственное управление только тогда, когда местные Советы обретут реальную власть на подведомственной им территории, смогут диктовать свои условия предприятиям союзного и республиканского подчинения. А пока ГМБК остается безвластным государственно-общественным образованием, работающим на энтузиазме директоров библиотек и методистов. Руководители ведомств, предприятий и организаций часто не подозревают о существовании ГМБК, не говоря уже о том, чтобы прислушиваться к ее решениям.

Наконец, мы добрались до главного оплота общественности — советов читателей при библиотеках: еще никто и никогда не усомнился в их праве на управление библиотеками. Е. А. Фенелонов отводит им ключевую роль: они «привлекаются органами управления к рассмотрению проблем библиотечного дела, к подготовке наиболее важных вопросов его развития» (с. 5). На деле же совет читателей бесправен, он не может повлиять на работу библиотеки, даже если его и «привлекают». Кроме призывов о совершенствовании, обращенных к директору, или жалоб в «инстанции» — он ничего не может. Ныне, сознавая, что власти у него нет, читатель не будет участвовать в предлагаемых ему общественно-бюрократических играх типа «отчет директора перед населением». Но и это не главное. Следует отказаться от самой идеи прямого участия читателей в управлении библиотечным делом.

Вызывает критику следующая фраза автора: советы читателей «должны стать главными контролерами использования средств и ресурсов библиотек, постановки учета и отчетности, объемов и качества обслуживания. Советы читателей отдельных библиотек

должны рассматривать наиболее важные вопросы их развития и деятельности» (с. 5).

Идею добровольного сотрудничества библиотекарей и читателей демагогически извращали десятилетиями, унижая и читателей, и библиотекарей. Так давайте же советы читателей назовем добровольными клубами любителей библиотеки, каковыми они чаще всего и являются, оказывая добровольную помощь библиотекарям. А в библиотеках, предназначенных для удовлетворения профессиональных потребностей, создадим советы читателей с закрепленными юридическими правами и ответственностью. Возможны и другие варианты. Например, в 1928 г. в ростовских библиотеках, «видя бедность и ветхость кругом», стали создаваться комитеты содействия из читателей. Эти комитеты, предполагавшие добровольное членство, имели бюро и ревизионные комиссии. Только за один год в помощь различным библиотекам они собрали от 47 до 258 рублей [3].

Таким образом мы приходим к выводу, что сам принцип «участия населения в управлении» есть не что иное как реанимация изжившей себя идеи. Ни одна из предлагаемых форм организации общественности не позволяет ей обрести самостоятельность в принятии решений, активно влиять на деятельность государственных органов управления. Следовательно, ни о каком общественном элементе в модели Е. А. Фенелона не может быть и речи. Ведь все общественные органы существуют не как самостоятельные юридические лица, они создаются с помощью административной приставки «при»: при библиотеке, при исполкоме, при министерстве. А формула паритетного распределения власти, представленная в выражении «общественно-государственная система управления», лишь маскирует сложившуюся монополию государственной власти на управление библиотечным делом.

Кроме общественно-государственной структуры Е. А. Фенелон предлагает создать и профессиональную. Какое же место она должна занять в общей системе управления?

Автор утверждает: «Все, что могут взять на себя и успешно осуществлять органы профессионального самоуправления, должно постепенно передаваться им от органов общественно-государственной системы управления» (с. 6). Как же так? Казалось, что все основные функции уже «захвачены» государственной системой: финансирование, развитие, контроль и т. д. Что же отдать профессионалам? А то, что они от века выполняли: свои, внутрибиблиотечные проблемы — технологию, координацию, распределение ресурсов, просьбы о повышении зарплаты.

Основной ячейкой профессионального самоуправления, по мысли автора, является трудовой коллектив (общее собрание и совет коллектива) и избираемое им руководство библиотеки, а также общественные организации. Таким образом все органы, в той или иной мере выполняющие функции управления, попали в «профессионалы самоуправления». Между тем каждый из перечисленных органов входит в более широкую структуру, выходящую за рамки библиотеки, и, следовательно, не вполне самостоятелен в своих решениях. Исключение составляет совет трудового коллектива. Только он относительно свободен в своих действиях как орган, выражающий волю библиотечной общественности.

Сейчас принято говорить, что руководитель, избранный коллективом, представляет его интересы в вышестоящих органах. Но подобная ситуация будет реальной только тогда, когда коллектив сможет обрести право собственности на свое «предприятие», т. е. выкупить библиотеку у государства или взять ее в долгосрочную аренду. Библиотеки же являются государственной собственностью (хотя формально это право закреплено за народом), и пока такое положение сохраняется, любой избранный руководитель, вся библиотечная администрация будут являться частью государственной власти, а не ячейкой профессионального самоуправления.

СТК библиотеки с урезанными функциями (т. е. власть его не паритетна с административной) тем не менее является мощной общественной силой, способной влиять на принятие решений. Но где он может быть создан и эффективно действовать? Только в крупных библиотеках и отчасти в ЦБС. А как быть тысячам библиотек, не имеющих самостоятельного статуса, встроенным в структуру отраслевых министерств и ведомств? Чаще всего их штаты минимальны, исчисляются даже не десятками, а единицами. Они из схемы «профессионального самоуправления» выпадают. Им оставлен единственный шанс: пробиться делегатами в высший орган профессионального самоуправления — съезд библиотечных работников.

То, что идея воссоздания высших форумов библиотечной общественности нашла отражение в статье, — явление, безусловно, отрадное. Но как ее реализовать, когда в стране еще не набрали силы действительно самостоятельные общественные формирования? Ведь за последние 60 лет библиотечные съезды в стране не проводились. Реальной силой, располагающей необходимыми финансовыми и организационно-техническими возможностями, является государственный ап-

парат. Е. А. Фенелонов не называет в числе возможных организаторов съезда созданные в различных регионах страны библиотечные общества и ассоциации. Он не выходит за границы модели «демократизации сверху» как в организационном, так и в содержательном аспектах съезда.

Автор предлагает рассматривать на съезде стратегические программы развития библиотечного дела, вносимые органами государственного управления, и принимать решения по участию общественности в реализации этих программ. Но сегодня этого явно недостаточно. Одно дело, когда съезд наделен правом утверждения стратегических решений, вносимых как государственными, так и общественными органами на альтернативной основе, рекомендует правительству кандидатов на высшие государственные должности (начальников управлений и отделов министерств, директоров национальных библиотек) и назначает главных редакторов библиотечных журналов, и совсем другое, когда съезд рассматривает, одобряет и выбирает «библиотечные советы с различными секциями, отражающими интересы библиотек основных типов» (с. 6).

Присмотримся к последнему предложению. Нет ли здесь попытки очередной реанимации — на этот раз Всесоюзного библиотечного совета? Он уже изрядно себя скомпрометировал не только в стране, но и на международной арене, присвоив право выступать от имени библиотечной общественности страны. Являясь органом аппаратного типа с фиксированным ведомственным представительством, он, с легкой руки Е. А. Фенелова, превращается из **назначаемого** в **избираемый**. В результате, как и раньше, за библиотекаря, работающего в Магадане, будет решать все проблемы его «представитель» — директор, живущий в Москве. И решать на высшем уровне: автор предлагает наделить совет правом законодательной инициативы. Но почему отказано в этом праве общественным организациям библиотечных работников — обществам и ассоциациям? Наверно, потому, что совет, даже выбранный, — более управляемая структура, нежели ассоциация, созданная, к примеру, на федеративной основе, представляющая не интересы библиотек различных типов, а **библиотекарей** различных регионов страны.

Автор вообще постарался не заметить роли демократического библиотечного движения, приведшего к созданию новых общественных структур — добровольных обществ и ассоциаций, независимых от партийного и государственного аппарата. По его мнению, они лишь оказывают «содействие и помощь в

организации и повышении эффективности общественно-государственного и профессионального руководства» (с. 7).

Подведем краткие итоги и сформулируем свое отношение к идеям, содержащимся в статье Е. А. Фенелова. Предлагаемая система управления складывается из трех компонентов: общественного (читательского), государственного и профессионального. Первые два, по мысли автора, образуют общественно-государственную систему руководства библиотечным делом, а с нашей точки зрения — лишь маскируют монополию исполнительной власти, государственных органов. Идея профессионального самоуправления в изложении автора представляется нам самообманом, так как не учитывает специфику библиотечного дела, слепо копируя Закон о государственном предприятии (в части прав трудового коллектива, который трактуется Е. А. Фенеловым как основная ячейка профессионального самоуправления). Лишь где-то на периферии авторской концепции появляются добровольные общества и ассоциации библиотекарей, играющие во всем мире ведущую роль в библиотечном строительстве. Именно они, образно говоря, тот «библиотечный коллектив», который призван стать основной ячейкой профессионального самоуправления.

Таким образом, предложенная «перестройка» консервирует сложившиеся за долгие годы государственно-бюрократические отношения в системе управления библиотечным делом.

Библиотеки всех типов и видов до сих пор являются «опорными базами партийных организаций», партийный и государственный аппарат продолжает рассматривать их в качестве функционального узла пропагандистско-идеологического механизма. Забыто главное, что библиотека — это не инструмент, а сформировавшийся историческим путем продукт духовного развития общества, его документированная память, обладающая абсолютной ценностью.

Утвердившееся в общественном сознании представление о вспомогательности библиотечного дела до сих пор питает порочную практику остаточного финансирования.

В 1990-е гг., надо полагать, демократизация политической жизни примет зрелые формы. Библиотечное дело перестанет автоматически ориентироваться на цели государственной политики, формулируемые КПСС от имени народа. Библиотекари обретут право на **профессиональное самоопределение**. Именно из этой идеи мы предлагаем исходить, перестраивая систему управления, которая должна создать условия для саморазвития биб-

лиотечного дела на основе его самоорганизации.

Изменения в системе управления должны помочь библиотечному работнику не только обрести чувство хозяина, но и стать им. Если проектируемая новая структура не будет ориентирована на преодоление отчуждения, то библиотечное дело не выйдет из кризиса.

Итак, из вышеизложенного ясно, от чего следует отказаться в первую очередь при перестройке системы управления: от монополии партийно-государственного аппарата на власть. Ясно и к чему следует стремиться: к созданию самоуправляемой библиотечной системы как элемента правового государства и гражданского общества. Остается ответить на «простой» вопрос: как осуществить переход

ОТ АВТОРИТАРНОГО К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Сегодня наши представления о структуре власти в социалистическом обществе существенно меняются. Взят курс на создание правового государства. Естественно, что эти процессы не должны обойти стороной и библиотечное дело.

За время, прошедшее с апреля 1985 г., партия и государство не утратили доминирующего положения в руководстве библиотечным делом. Они не сделали кардинального шага навстречу библиотекарям, чтобы «поделиться» с ними властью (к примеру, поставив вопрос об отмене Положения о библиотечном деле в СССР — высшего законодательного акта, регулирующего функционирование библиотечного дела в стране, но уже безнадежно устаревшего по заложенной в нем концепции социальной роли библиотек). Но ведь и библиотечные работники как будто не подзревают о своем праве на «самоопределение», не говоря уже о готовности «взять власть» в свои руки.

Из создавшегося кризиса можно выбрать только усилиями всего библиотечного сообщества. Министерство культуры СССР пока не стремится стать интеллектуальным штабом перестройки. Правда, чувствуя свою причастность к революции «сверху», еще в 1987 г. оно с помощью Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина подготовило «Программу перестройки» (сейчас благополучно забытую в силу откровенно бюрократического характера), а сейчас завершен проект Концепции развития библиотечного дела в СССР, в который вошли идеи, изложенные в работе Е. А. Фенелонова. Заметим, что еще в августе 1989 г. Ленинградским библиотечным обществом в адрес разработчиков Концепции были направлены предло-

жения по радикальному обновлению библиотечного дела, но ... заплатив авторам за проделанную работу, их идеи положили под сукно.

Сознавая сложность задачи и недостаточную подготовленность в области теории перестройки, попытаемся наметить некоторые направления реформы управленческих отношений в сфере библиотечного дела, претендуя на детальное описание механизма управления.

Первой по важности задачей является правовая регламентация деятельности всех субъектов, наделенных властью в библиотечной сфере, и создание своеобразного «общественного договора» между Библиотекой и Читателем. Надо ли доказывать, что идеи информационной свободы, заложенные во Всеобщей декларации прав человека, не стали императивом ни для работников аппарата, ни для библиотекарей. Духовный опыт человечества все еще процеживается сквозь идеологическое сито: спецхраны, хоть и в урезанном виде, но продолжают свою работу, гриф «ДСП» уводит литературу от не вооруженного соответствующей справкой читателя. Библиотеки продолжают ограничивать выдачу литературы по принципу ее соответствия теме научной работы. Гибнет «самиздат», не включенный в государственный механизм комплектования. Энтузиазм одиночек, чуть ли не «подпольно» собирающих в фондах эти живые свидетельства свободы слова, не способен передать следующим поколениям полноценные фонды неформальной печати.

Кардинально изменить ситуацию могут только законодательные органы государственной власти — Советы. Только они обладают правом формировать социальный заказ на библиотечное дело, необходимое обновляющемуся обществу. Но в Верховном Совете СССР библиотекарей попросту нет, а среди народных депутатов — один человек: З. Савостина, директор областной универсальной научной библиотеки г. Челябинска.

Таким образом, библиотечно-библиографические интересы всего общества в высшем органе законодательной власти будут представлять не профессионалы, а любители — люди, осознавшие истинную роль библиотек в общественном развитии, отодвинувшие в сторону свои профессиональные интересы. Тем не менее это представительство может быть в высшей степени профессиональным, более того, философски углубленным (вспомним выступление на I Съезде академика Д. С. Лихачева), но может получиться и не очень компетентным.

Горько, конечно, что библиотечное сообще-

ство (в отличие от писательского, актерского), организационно не оформленное, интеллектуально ослабленное, не смогло выдвинуть из своей среды людей, достойных звания народного депутата СССР. Но это лишний раз подтверждает, что торжество тоталитарного правления в годы сталинской диктатуры и авторитаризм застоя раздавили профессиональное сознание библиотекарей. Система вырастила для обслуживания своих нужд племя равнодушных исполнителей — бойцов идеологического фронта. Механизм отрицательной селекции, именованный классовой линией на библиотечном фронте, запущенный еще в двадцатые годы, вычистил из библиотек не только книги, которые сейчас возвращаются на библиотечные полки, но и поборников бесцензурной печати — деятелей культуры. Книжки мы возвращаем, а как вернуть профессиональное сознание библиотекаря, если в учебнике, играющем центральную роль в преподавании библиотечных дисциплин [4], продолжает догматически абсолютизироваться учение о классовом, политическом характере библиотечного дела, а принцип партийно-государственного руководства методически предопределяет монополию партии и государства на управление библиотеками?

Мы уделяем так много внимания проблеме представительства библиотечного дела в советских органах потому, что реального разделения власти на законодательную и исполнительную в сфере библиотечного дела пока не произошло. Но если законодатель не «написал» закон, то исполнитель не только стремится создать его сам, но и начинает выполнять контрольные функции. В ст. 5 Положения о библиотечном деле в СССР за Министерством культуры закреплено право «государственного контроля за деятельностью библиотек, находящихся в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств». Не противоречит ли эта функция, которую министерство может реализовать только по отношению к «своей» сети библиотек, другой, более существенной, закрепленной в этой же статье? В соответствии с ней «руководство библиотечным делом в СССР осуществляют Советы народных депутатов».

В том-то и дело, что не осуществляют. В Советах нет органа, занимающегося библиотечно-информационными вопросами. Постоянные депутатские комиссии по культуре, в недрах которых библиотечное дело часто просто теряется, работают, образно говоря, на общественных началах при исполнительных комитетах, голосуя за подготовленные ими решения. Поэтому управления и отделы культуры исполкомов местных Советов ориентированы не на свой Совет как высший орган госу-

дарственной власти, а на свое министерство. Такое вот «разделение властей».

Безвластие местных Советов не позволяет развивать региональное библиотечное дело как целостную систему. С полным правом можно утверждать, что из национального достояния многие библиотеки превратились в придатки к основному производству многочисленных ведомств. Переходя на хозрасчет, отдельные предприятия начинают сокращение штатов с библиотекарей. Трудовые коллективы, профсоюзные комитеты в погоне за сиюминутной и обманчивой выгодой бодро принимают решения о закрытии библиотек. Это косвенно подтверждает неэффективность многих экономических постановлений, принимаемых на высшем уровне. Ведь в условиях рыночного хозяйства, и это доказано мировым опытом, информация поднимается в цене.

Верховный Совет СССР своей законотворческой деятельностью обязан обеспечить правовое регулирование отношений всех субъектов, действующих в библиотечной сфере: отдельной личности (читателя и библиотекаря), социальных групп (партии, общественных организаций, трудовых коллективов), государственных органов (исполнительных и законодательных) и общества в целом. Нужен Закон о библиотечном деле, который бы передал руководство библиотеками из рук партийных органов, министерств и ведомств в «руки» права.

Должен измениться и характер деятельности исполнительных органов: от администрирования они должны перейти к оказанию управленческих услуг, способствовать развитию общественной инициативы библиотечных работников.

Весьма важным является вопрос о высшем органе исполнительной власти: какой орган Совета Министров СССР способен наиболее эффективно проводить в жизнь решения Верховного Совета СССР?

Библиотечное дело необходимо рассматривать в системе общественного разделения труда как «чистую» отрасль, объединяющую деятельность учреждений всех типов и видов независимо от ведомственной принадлежности по признаку единства создаваемых продуктов (библиотечно-информационных услуг), имеющих самостоятельное значение в масштабах народного хозяйства. Подобный подход, объединяя различные библиотеки в целостную систему, требует создания адекватного ее природе механизма управления.

По-видимому, имеет смысл тщательно продумать вопрос о создании такого высшего исполнительного органа, который был бы способен осуществлять волю законодателя независимо от того, входит ли библиотека в от-

расль «культура и искусство» или «тяжелое машиностроение».

Рассматривая возможности реализации идеи разделения власти в системе государственных органов, мы частично затронули и другой аспект — разделение власти между государственными и общественными структурами управления. Остановимся на нем подробнее.

Еще раз подчеркнем, что в нашем представлении никакой «общественности», привлекаемой государством к управлению, реально не может существовать.

С партийно-государственным руководством общественным движением должно быть покончено и в сфере библиотечного дела. Для этого требуется активизация двух процессов: развитие инициативы «снизу» — самих библиотечных работников с целью организационной консолидации, необходимой для создания добровольных обществ и ассоциаций, и проявление инициативы «сверху» — по передаче государственными органами части своих прав и функций общественным структурам. Без совместного **встречного движения** невозможно создать **равновесную демократическую** структуру управления, в которой различные по своей природе руководящие органы не только сдерживают, но и дополняют друг друга.

Подтверждает ли практика принципы разделения власти на два равноправных элемента — государственный и общественный? Пока лишь отчасти.

В стране началось самодеятельное, осуществляемое методом проб и ошибок, но добровольное и независимое движение за демократизацию библиотечного дела. Первыми в это движение включились библиотечные работники Эстонии, Латвии, Ленинграда, Литвы, Саратова, Москвы.

Задумываясь о перспективных задачах, которые могут решаться на основе деятельности добровольных библиотечных объединений, обществ и ассоциаций, необходимо сразу же выделить, с нашей точки зрения, центральную. Для выхода из кризиса потребуется создание и комплексное развитие весьма сложной структуры: **регионального библиотечного социального института (БСИ)**².

Под социальным институтом будем понимать исторически сложившуюся в процессе общественного разделения труда систему специализированных учреждений и организаций, располагающих необходимыми ресурсами для выполнения определенных социальных функций. Он включает в себя пять обязательных

компонентов: сферу практики, реализующую целевую функцию — производство продукции и оказание услуг (в нашем случае сфера практики включает в себя совокупность библиотек), сферу управления, науку, образование и профессиональную печать. Региональный БСИ должен обладать всеми перечисленными компонентами, и они должны быть сбалансированы между собой.

К сожалению, наша историческая практика не выработала форм эффективного объединения людей, профессионально связанных с БСИ, но работающих в разных учреждениях и организациях. Отдельные элементы БСИ, как в целом по стране, так и в отдельных регионах, функционируют изолированно, и это приводит к взаимному отчуждению практики, науки, образования и управления. Во многих регионах отсутствует такой важный для формирования профессионального сознания элемент БСИ, как профессиональная печать. У библиотечарей города, района, области, а иногда и республики, нет своей печатной трибуны даже в виде многотиражной газеты.

Библиотечное общество имеет возможность комплексно подойти к проблемам развития БСИ: интегрировать в своих документах (прежде всего, уставе и программе) и формах деятельности интересы читателей региона, с одной стороны, и интересы всех, профессионально связанных с БСИ — с другой.

Следует отметить и такой важнейший в современных условиях фактор, как децентрализация социально-экономических структур народного хозяйства. Чтобы вписаться в региональную политику, потребуется единство библиотечно-библиографических сил местных ученых и практиков. Кто его сможет обеспечить, кроме общества?

Социальной базой добровольных обществ является полумиллионный отряд библиотечных работников страны. Профессиональное сознание еще только начинает формироваться, о чем свидетельствует небольшой процент (от 2 до 15) членов библиотечных обществ по отношению к общему числу библиотечных работников в регионах действия обществ. Библиотечное общество, пройдя необходимый этап официальной регистрации, приобретает право выдвижения кандидатов в народные депутаты. А борьба за мандат наравне с претендентами от других социально-профессиональных групп является прекрасным лекарством от комплекса неполноценности и вспомогательности, который вырастило в нас государство, загнав профессию на нижнюю границу шкалы социального престижа. Библиотечное общество позволяет профессионалам и любителям библиотечного дела (если в обществе

² Идея библиотечного социального института как фундаментальной категории библиотекведения впервые сформулирована профессором А. В. Соколовым.

принят принцип открытого членства³) совместно вступить на политическую арену в качестве небольшой, но самостоятельной общественно-политической силы. Объединившись в ассоциации на республиканском и союзном уровне, библиотечное сообщество приобретает право законодательной инициативы. Это дает реальную возможность вносить в Верховный Совет СССР инициативные законопроекты, отвечающие насущным нуждам библиотекарей.

Итак, движение «снизу» началось. А «сверху»? Сделал что-либо государственный аппарат управления библиотечным делом для упрочения первых ростков демократии? Судите сами. Родилась «союзная инициатива» по созданию Советской библиотечной ассоциации (СБА). Журнал «Библиотекарь», взявший на себя роль пропагандиста этой идеи, опубликовал обращение инициативной группы (к сожалению, анонимной), проект устава (тоже без указания авторов) и отклики читателей. Среди них появились и такие: хотели организовать добровольное общество, но ознакомившись с идеей СБА, решили подождать: вот будет создана всесоюзная ассоциация и мы в нее вступим.

Библиотечному движению, пока оно не окрепло на местах, следует с большей осмотрительностью и изрядной долей исторического скептицизма относиться к любым проявлениям «союзной инициативы», чтобы не пойти по привычному пути создания ассоциации «библиолюбив».

Вероятно, государственному аппарату следует задуматься над проблемой стимулирования низовых обществ путем передачи им части своих функций и проведения соответствующей финансовой политики.

Деньги на библиотечные нужды должны распределяться не только по государственным, но и общественным каналам, берущим начало из одного источника — **налоговой политики государства**. Предприятия, желающие иметь у себя на производстве цивилизованного работника, обязаны вкладывать деньги в развитие библиотечного дела как путем отчислений в союзный и республиканский бюджеты, так и прямым финансированием — в бюджет региона, города, конкретного библиотечного общества или библиотеки. Строка «развитие библиотечного дела» должна войти в качестве обязательной в финансовые документы всех региональных и ведомственных структур.

Надо добиваться, наконец, чтобы доля национального богатства, выделяемая на биб-

лиотечное дело, стала предметом гласного обсуждения в Верховном Совете СССР. Сколько имеют библиотеки из того пресловутого процента, расходуемого государством на культуру? Много ли дают министерства и ведомства на нужды своих библиотек и органов НТИ?

Библиотечное сообщество вправе осуществлять не только контроль за бюджетными ассигнованиями, но и требовать закрепления за органами самоуправления (обществами и ассоциациями) права на финансовое и материально-техническое обеспечение функций, необходимых для полноценного развития БСИ, и тех, которые переходят к ним от государственных органов. Уже сейчас при соответствующей поддержке библиотечные общества могли бы взять на себя издание профессиональной литературы, межведомственное повышение квалификации кадров, научно-методические разработки, краеведческую библиографию, ряд других функций. Стыдно сказать, но ведь практически ни в одном городе или области нет справочников по библиотечно-библиографическим ресурсам, а в путеводителях легче найти ресторан, чем библиотеку.

Появление самостоятельных обществ переводит вопрос о разделении власти в сфере библиотечного дела из области теории в практическую плоскость. Сегодня сделан лишь первый шаг по пути перехода от **партийно-государственной к общественно-государственной** системе управления. Но он уже сделан, теперь главное — развить идею профессионального самоопределения. Учитывая прогноз философа, народного депутата СССР Ф. Бурлацкого о распределении властных полномочий в сфере культуры: 10 процентов за государственным аппаратом и 90 — за общественными организациями и другими органами самоуправления [6], становится понятной и расстановка акцентов в названии нового типа системы управления. Общественно-государственная, а не наоборот. Новая система реализует идею самоуправления путем замещения государственных элементов общественными.

Таким образом, в отличие от концепции Е. А. Фенелона, мы пришли к иному пониманию общественных сил в сфере библиотечного дела. Это — библиотекари и читатели, организованные в самостоятельные общества и ассоциации, независимые от партийного и государственного аппарата, а также советы трудовых коллективов. И система управления, за формирование которой мы ратуем, в принципе проста: она представляет собой совокупность двух основных элементов — общественного, в лице обществ, ассоциаций и СТК, и государственного, в лице Советов народных депутатов всех уровней.

Завершить свою статью хочется выдержкой

³ Подробнее об организации библиотечных обществ см. [5].

из обращения делегатов Первого Ленинградского библиотечного съезда, представлявших интересы 14 тысяч библиотечных работников Ленинграда и области. В нем, в частности, говорится: возвысим свой голос и объединим усилия в борьбе за демократические преобразования:

за **идеологическую реформу**, необходимую для обеспечения приоритета общечеловеческих ценностей над любыми иными, утверждения принципа гуманизма в качестве высшей ценности, ради которой библиотеки ведут свою работу; политизация целей, закрепленная в Положении о библиотечном деле в СССР (1984 г.) должна быть отвергнута;

за **реформу системы управления**, направленную на реализацию принципа разделения властей, разрушающую монополию партийно-

государственного аппарата на руководство библиотеками и приводящую к созданию общественно-государственной системы управления, где интересы общества и государства представлены добровольными библиотечными обществами (ассоциациями) и Советами народных депутатов;

за **правовую реформу**, законодательно закрепляющую суверенность культуры в системе социальных институтов гражданского общества, охраняющую библиотеки как национальное достояние от диктата министерств и ведомств, гарантирующую права читателей и библиотекарей в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и другими действующими международными соглашениями, которые подписаны и ратифицированы нашей страной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фенелонов Е. Управление. Каким оно может быть // Библиотекарь.— 1989.— № 11.— С. 5—8.

2. Рубакин Н. А. Основные задачи библиотечного дела.— С.-Пб., 1907.— С. 5.

3. Калюкин Ф. Комитеты содействия при ростовских политпросветовских библиотеках // Красный библиотекарь.— 1928.— № 7.— С. 49—52.

4. Библиотековедение: Общ. курс: Учеб. для библ. фак. ин-тов культуры // К. И. Абрамов, А. Н. Ванев и др.— М.: Кн. палата, 1988.— 224 с.

5. Организация добровольных объединений (обществ и ассоциаций) в сфере библиотечного дела // Науч. б-ка ВЦСПС; Сост. С. А. Басов.— М., 1989.— 50 с.

6. Бурлацкий Ф. Без парламента нет полной демократии // Аргументы и факты.— 1989.— № 8.